

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

Г Ж Е Г О Ж В. КОЛОДКО,
*директор Исследовательского центра трансформации,
интеграции и глобализации (TIGER),
профессор
(Варшава)*

ОТ ИДЕОЛОГИИ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА К НОВОМУ ПРАГМАТИЗМУ *

Запропоновано застосувати теорію збігу обставин розвитку для з'ясування причин та механізмів спадів або піднесення української економіки, названо головні риси цієї теорії. Розглянуто специфіку сучасної кризи та можливості її відвернення в минулі періоди. Охарактеризовано неолібералізм як джерело світової кризи. Порушено проблеми сфери цінностей стосовно економіки майбутнього. Висвітлено особливості нового прагматизму, що являє собою принцип розв'язання практичних завдань, вільний від будь-яких ідеологем.

Дискуссия по статье академика В. Гейца ¹, посвященная идеологии модернизации и выяснению роли либерально-демократических начал в обновлении общества, свидетельствует о пристальном внимании украинских ученых к фундаментальным вопросам его реформирования. Обсуждаемые проблемы сложны и многоаспектны. Следует подчеркнуть необходимость рассматривать неоллиберализм в связи с мировым кризисом и его уроками. Без этого оценка неоллиберализма не может быть достаточно обоснованной. Вместе с тем в политике модернизации экономики Украины полезно было бы использовать систему воззрений, которая будет изложена ниже.

Все происходит так, как и должно быть, потому что многое происходит одновременно. Таков лейтмотив теории стечения обстоятельств развития ². И хотя предметом этой теории служат сравнительное описание и объяснение сущности и движущих сил социально-экономического процесса истории, она может быть весьма полезна и в других случаях, к примеру, при выяснении причин и механизмов спадов или подъемов украинской экономики, в том числе нынешнего финансово-экономического кризиса.

Специфика современного кризиса

Мы имеем дело с чем-то гораздо более серьезным, чем простое временное нарушение уровня хозяйственной активности и абсолютное падение производства, традиционно измеряемое с помощью ВВП ³.

Действительно, в планетарном масштабе это самый обширный кризис за послевоенный период. Тем не менее как в интеллектуальном, так и в политическом

* Исследование профинансировано Польскими научными ресурсами в 2010–2012 гг. как проект “Системная трансформация и социально-экономическое развитие. Детерминанты, достижения, перспективы” по гранту № NN112345638.

¹ См.: Гейц В. Либерально-демократические основы: курс на модернизацию Украины. “Экономика Украины” № 3, 2010, с. 4–20.

² Колодко Г. Ж. В. Мир в движении. М., “Магистр”, 2009.

³ Кстати, от этого измерителя нужно отходить, заменяя его измерителями равновесного социально-экономического развития. В книге “Мир в движении” я предлагаю другой показатель функционирования экономики и экономического развития — так называемый интегрированный индекс успеха (ИИУ), в котором ВВП занимает лишь 40%. Остальные 60% распределяются между оценками свободного времени, состояния здоровья, рас-

ком смысле недопустимым упрощением было бы свести все события только к падению производства. При усреднении, что экономисты делают с большим удовольствием, кризис можно считать в принципе завершенным, потому что уже в IV квартале 2009 г. намечился рост экономики. Но, к сожалению, кризис продолжается, поскольку выходит далеко за узко понимаемую сферу производства.

Первое десятилетие XXI в. началось с улучшения конъюнктуры и при довольно приличном темпе экономического роста. Валовой мировой продукт (ВМП) вырос за первые 3 года в сумме на 9,6%, то есть в среднем по 3,1% в год (в 2001, 2002 и 2003 годах, соответственно, на 2,4, 3,0 и 3,9%). Это ускорение наблюдалось и в последующий период. Так, в 2005–2007 гг. ВМП увеличился на 15,5%, то есть в среднем за год немногим более 4,9% (в 2005, 2006 и 2007 годах, соответственно, на 4,9, 5,0 и 4,9%). В пересчете на жителя Земли, — а население планеты сейчас превышает 6 миллиардов, что в 2 раза больше, чем в 1960 г., и в 3 раза больше, чем 200 лет тому назад, — это самый высокий темп в зафиксированной статистически истории человечества⁴. Потом наступили замедление и кризис в течение 3 лет (2008–2010), когда ВМП увеличился на 4,9%, то есть в среднем на 1,6% в год (в 2008, 2009 и 2010 годах, соответственно, на 3,0–1,1 и 3,1%)⁵. Таким образом, прирост за 3 кризисных года составил столько же, сколько за 1 докризисный год. Добавим, что такой показатель означает рост производства на душу населения лишь на стагнационные 0,5% в год.

Человек несведущий непременно спросил бы: зачем столько шума из-за того, что лишь в 2009 г. уровень производства упал всего на 1%? Ведь на фоне десятилетия, за которое он увеличился на 40%, однопроцентное падение представляется несущественным, если не едва заметным. К тому же уже в середине октября 2009 г. индекс Доу-Джонса снова выправился и превысил 10000, то есть, казалось бы, прощай кризис, потому что биржевые котировки снова продемонстрировали рост. И тем не менее дело обстоит иначе. Почему?

Во-первых, приведенные выше показатели по годам касаются динамики ВМП в среднем для всего мира. А мир этот, как известно, необычайно разнообразен. Достаточно вспомнить, что, если мировое производство росло в первые 3 года десятилетия в среднем на 3,1% в год, то для группы богатых стран, наиболее развитых экономик, с населением чуть менее 1 млрд. чел.⁶, этот показатель составил только 1,6%, а для “развивающихся стран”⁷, — впрочем, в данном контексте это определение можно приводить без кавычек, — где живут 5,8 млрд. чел., он равен 4,3%. В 2005–2007 гг. зафиксированы, соответственно, 2,8 и 7,7%, а в кризисные годы “ножницы” расходятся еще больше: соответственно, –0,5% и +4,3%. Мировая эконо-

пределения доходов, а также субъективными оценками культурных ценностей, качества жизни и восприятия собственного социального капитала. В аналогичном ключе построен доклад Комиссии Стиглица – Сена-Фитусси (Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Report 2009), созданной по инициативе Президента Франции Н. Саркози. Доклад был представлен на конференции в Сорбонне 14 сентября 2009 г. Теперь несколько поколений будут вести политическую, интеллектуальную и методологическую битву за последовательное внедрение разумных рекомендаций, например, по использованию ИИУ или предложенных в Report 2009.

⁴ Упрощая, можно допустить, что на душу населения темп роста примерно на 1 процентный пункт меньше, так как в это время темп роста человечества составил чуть более 1%.

⁵ Источник данных – World Economic Outlook МВФ за октябрь 2004 г. и октябрь 2008 г.; данные по 2009–2010 гг. – прогноз МВФ. (См.: World Economic Outlook. Sustaining the Recovery, World Economic and Financial Surveys. IMF, Washington, 2009).

⁶ В соответствии с номенклатурой ВБ и МВФ это так называемые “advanced economies”.

⁷ В документах ВБ и МВФ группа этих экономик называется “developing economies”, причем с 2004 г. она обозначается как “emerging markets and developing countries”. В чем состоит различие между “developing” и “emerging” — неясно. Например, Бразилию и Индию международные финансовые организации считают developing countries, а глобальные инвесторы именуют их emerging markets. Польша и Россия, в свою очередь, в понимании и международных финансовых организаций, и финансовых рынков относятся к emerging markets.

мическая система меняется, причем к лучшему, потому что сокращаются громадные различия между высокоразвитыми и относительно отсталыми странами в уровнях производства и жизни. Кризис сокращает этот разрыв, что следует признать положительным явлением. Если, скажем, в 2000 г. китайский ВВП на душу населения (по ППС) составлял лишь 6,7% от американского уровня (соответственно, 2377 и 35252 дол.), то в 2010 г. это соотношение достигло 15% (7200 и 47400 дол.)⁸.

Во-вторых, современный кризис — это больше кризис перераспределения, чем производства. Действительно, колебания ВВП ощутимы, но колебания, в том числе и абсолютные падения, размеров потребления, а особенно инвестиций, намного сильнее. Велики региональные и отраслевые различия: нарушения в большей степени коснулись Западной Европы, чем Северной Америки, а Восточная Европа пострадала больше, чем Западная. Говоря о пертурбациях в сфере распределения в американской (впрочем, не только американской) экономике, можно отметить, что на этот раз кризис оказался гораздо более ощутимым для Уолл-стрит, чем для Мэйн-стрит, то есть для финансового сектора, а не для наемного труда, salariата. Или иными словами: он в большей степени затрагивает так называемые *белые воротнички*, чем *синие*. Значительно сильнее кризис бьет по автомобилестроению, чем по пищевой промышленности. Последствия перераспределения, — в масштабах как всего мира, так и отдельных народнохозяйственных комплексов, — серьезно различаются.

В-третьих, тенденции на финансовых рынках, в том числе и положительные, выражающиеся в росте котировок, нельзя считать автоматическим показателем возврата экономики к “нормальному” состоянию (допуская, что такое состояние вообще существует). Происходит нечто противоположное: поскольку спекуляции на этих рынках носят иррациональный характер и возник чрезмерный отрыв финансового сектора от реального, тенденции могут быть проявлением, а то и одной из причин кризисов производства.

В-четвертых, потрясения в сфере производства и обращения влекут за собой падение занятости, которое в принципе автоматически сопровождается ростом безработицы. Она продолжает расти и в фазе выхода мировой экономики из рецессии. Можно предположить, что на рубеже 2009–2010 гг. безработных в мире насчитывалось приблизительно на 60–80 млн. больше, чем полтора года назад. И их армия продолжает расти, причем не только в тех странах, которые преодолели рецессию или переживают ее, но и в тех, которые по разным причинам избежали падения производства. Таким образом, безработица растет в США и Германии, Китае и Индии. Уровень безработицы в США — самый высокий за 25 лет и, похоже, как и в Евросоюзе, находится на психологическом пороге 10%. В Польше, которой формально удалось пережить кризисный период без абсолютного снижения производства, безработных по сравнению с началом 2008 г. примерно на 250 тыс. больше. При этом важно, что изменения на рынке занятости довольно хаотичны и затрагивают отдельные секторы гораздо сильнее, чем всю экономику; особенно это касается отраслей, работающих на экспорт, а также строительства и автомобилестроения. На рынке труда происходит радикальное перераспределение, что имеет как экономические, так и социальные последствия.

В-пятых (и это, по-видимому, самое важное), нынешний кризис носит фундаментальный характер. Это не просто еще один, хотя и очень наглядный и интересный пример кризиса конъюнктуры, не первый и не последний в бурной истории рыночного хозяйства. Это системный кризис современного капитализма, а точнее — его неолиберальной мутации, которая стала преобладать в течение жизни послед-

⁸ Китайский ВВП на душу населения (по ППС) достигает 46% от уровня российского и 39% от польского, хотя 10 лет назад эти показатели составляли едва 31 и 23%, соответственно. Оценки ВВП на душу населения по паритету покупательной способности основаны на данных ВБ. См. также: IMF Data Mapper, www.imf.org/external/datamapper/index.php.

него поколения в значительной части мира. А если это так, то одного лишь ухода от негативных тенденций в сфере производства, то есть от дна рецессии, и возвращения на путь роста отнюдь не достаточно, чтобы говорить о завершении кризиса.

Можно ли было предотвратить кризис?

Часто спрашивают: можно ли было не допустить нынешний кризис? Если вопрос ставить в таком общем виде, то адекватного ответа не найти, поскольку необходимо указать время, которым мы располагали, то есть ту временную ретроспективу, когда нынешнего кризиса можно было бы избежать. Вопрос сложен еще и потому, что требуется сказать не только о том, когда, но и как следовало действовать.

Ответ прозвучит по-разному, если задавать различный временной горизонт — 3 года, 13 или 30 лет. И такой подход делает понятнее сущность нынешнего кризиса, обнажая его причины, механизм и последствия. Это очень полезно и в плане уроков на будущее, предложений о предотвращении грядущих коллизий, которые отстоят от нас на такие же отрезки. Ибо надо понять, что день нынешний — не что иное, как будущее прошлого.

Понятно, что 3 года назад мировой кризис уже был неизбежен. Степень оторванности финансового сектора от реальной экономики, в которой производятся необходимые для жизни — и для процесса воспроизводства — товары и услуги, была так велика, что необходимая коррекция для сокращения этого разрыва могла быть только кризисной, шоковой. Чего политика не может сделать заранее, то должен сделать кризис после. Только обходится это очень дорого.

Разрушение базовых ценностей экономической деятельности (не везде, но во многих сегментах экономически взаимозависимого мира, и особенно в его центре, которым остаются США) 3 года назад достигло такой стадии, что не было политических сил, которые в рамках существовавших институтов смогли бы направить экономику на путь бескризисного развития. Слишком сильна была неравномерность в масштабах всего мирового хозяйства. Мир как таковой, в сущности, — единое замкнутое хозяйство, но, несмотря на масштабные процессы глобализации⁹, планетарное хозяйство, скорее, делится на примерно 200 национальных экономик, нежели состоит из десятка с небольшим крупных интеграционных образований вроде развитого Евросоюза или институционально отсталого СНГ.

Любой экономике свойственно внешнее неравновесие, выражающееся в дефиците (чаще) или в превышении (реже) текущих оборотов. Если абстрагироваться от ошибок в расчетах и чрезвычайных потерь, то в мировом масштабе превышения и дефициты взаимозасчитываются и баланс становится нулевым. Но если сложить стоимость всех дефицитов со стоимостью всех превышений на счетах текущих оборотов и соотнести эту агрегированную величину с ВМП, то в 2008 г. этот показатель составил 6%¹⁰. И как при таком масштабе структурных дисбалансов не упасть?

А можно ли было предотвратить нынешний кризис 13 лет назад, в 1996 г.? Здесь ответить сложнее. Попытки такого рода осуществлялись. Тогда шли острые дискуссии между монетаризмом (лежащим в основе неолиберализма) и неокейнсианством, которое, кажется, теперь кое-где переживает второе рождение¹¹, хоть и не является панацеей от современных болезней. Во многих странах — в боль-

⁹ Подробнее о глобализации см.: K o l o d k o G. W. Globalizacja a perspektywy rozwoju krajow posocjalistycznych. Toruń, Towarzystwo Naukowe Organizacji i Kierownictwa, 2002, www.tiger.edu.pl/kolodko/ksiazki/Globalizacja_a_perspektywy_rozwoju.pdf; K o l o d k o G. W. The World Economy and Great Post-Communist Change. N. Y., Nova Science Publishers, 2006; С т и г л и ц Д. Ж. Глобализация: тревожные тенденции. М., “Мысль”, 2003.

¹⁰ Это означает, что в глобальном масштабе сумма отрицательных и положительных сальдо текущих оборотов составила примерно 5 трлн. дол. при ВМП в размере около 78 трлн. дол. (считая в соответствии с текущими валютными курсами).

¹¹ S k i d e l s k y R. Keynes: The Return of the Master. N. Y., Public Affairs, 2009.

шом Китае или в маленькой Словении – удалось полностью отбить атаку неолиберализма, в других странах это получалось временами, как, например, в Индии либо Польше в период осуществления “Стратегии для Польши” в 1994–1997 гг. Несколько стран Латинской Америки, которые поверили в Вашингтонский консенсус (или позволили его себе навязать), были вынуждены предпринять неординарные меры, что лишь позже дало свой положительный результат, и не только в Бразилии и Аргентине. В США и Великобритании сделали попытку создать иную концепцию функционирования экономики и ее развития. Но ни инспирированный демократами так называемый *клинтонизм*, ни форсированный (непоследовательно и не слишком убедительно) в Великобритании лейбористский *блэйризм* не сумели справиться с неолиберальной бурей.

А 30 лет назад – можно ли было избежать кризиса? Конечно! Тогда, на фоне нарастающего процесса глобализации (а 10 лет спустя – и набравшей силу постсоциалистической системной трансформации), достаточно было – всего лишь! – не попадать в неолиберальную колею, а пойти по пути, намеченному в модели социальной рыночной экономики. Для последней характерны, во-первых, императив социального единства и, во-вторых, институционализация экономики, позволяющая расцвести частному предпринимательству при условии, что государство заботится о том, чтобы равномерно распределялись результаты роста производительности труда и повышения эффективности капитала, чтобы сохранялась природная среда обитания человека, и уделяет постоянное внимание культурным аспектам жизни социума. Но развитие пошло иным путем – из-за агрессивной жадности и всепобеждающей глупости, в силу относительной слабости на мировой арене Скандинавских стран, имеющих хорошо налаженное социальное рыночное хозяйство, исключительной занятости других стран своими делами (в Германии – это воссоединение земель, в Японии – структурный кризис), а также вследствие наивности части интеллектуальных и политических элит в странах так называемых формирующихся рынков (*emerging markets*), в большей даже степени – в странах постсоциалистической трансформации, чем в других регионах мира. Из этого надо сделать выводы на будущее, то есть быть готовым интеллектуально и иметь политическую волю. Впрочем, нет гарантий, что полученный исторический урок пойдет на пользу.

Неолиберализм как источник мирового кризиса

Данный кризис не мог возникнуть в странах с налаженной социальной рыночной экономикой, например в Скандинавских странах, – питательной почвой для него стали условия неолиберальной англо-американской модели¹². Такое сильное потрясение могло произойти лишь в результате стечения многих политических, социальных и экономических (а также технологических, потому что без Интернета его бы не было) обстоятельств. Взаимное их наложение зависело от типичной для неолиберализма комбинации ценностей, институтов и политики.

Его ценности слишком уж воспевают индивидуализм и превозносят жадность, возводя этот порок в ранг добродетели, которая якобы движет экономикой, а также пренебрегают социальными аспектами хозяйственной деятельности и не рассматривают человека как центр процесса воспроизводства. Согласно этой доктрине, торговать стоит всем, что только может приносить прибыль, в том числе и ожиданиями.

В институциональном аспекте неолиберализм сделал государство и его регулиющую практику публичным врагом номер один. Манипулируя (надо признать, великолепно) общественным мнением через СМИ и, к сожалению, через

¹² Подробнее о сути неолиберализма см.: Н а г в е у D. A Brief History of Neoliberalism. N. Y., Oxford University Press, 2005.

часть научного сообщества, особенно через экономистов, либералы навязывают концепцию “малого” (читай: слабого) государства и минимализации его вмешательства в спонтанные рыночные процессы, хотя именно государство является, наряду с рынком, суперинститутами современного хозяйства. Лишь умная синергия мощи “невидимой руки рынка” с “видимой головой государства” дает шанс на долгосрочный экономический успех, особенно в странах с “формирующимся рынком”, в частности в экономиках постсоциалистической трансформации. Институциональный интервенционизм – неизбежность для современного капитализма, чего неолберализм не приемлет в силу исповедуемых ценностей, но прежде всего по причине заботы об определенных групповых интересах.

Что же касается неолберальной политики, то она принципиально путает цели и средства. Цель экономической политики – долгосрочное равновесное развитие, причем не только экономическое, но социальное и экологическое. Низкая инфляция, положительные процентные ставки, сбалансированный бюджет, быстрая приватизация, режим валютного курса, биржевые котировки, налоги (разумеется, низкие) – это только инструменты политики, и нельзя подчинять стратегию и экономическую политику показателям, лишь иллюстрирующим явления и процессы в этих сферах. В рамках неолберальной политики, чтобы улучшить материальное положение узких элит за счет большинства, прибегают к таким фундаментальным идеям либерализма, как свобода и демократия, частная собственность и предпринимательство, конкуренция и экономическая свобода. Но выступать на словах за них *pro publico bono* и эксплуатировать их в интересах меньшинства за счет большинства – две совершенно разные ипостаси одной политики.

Нарушения в мировой экономике не сводятся к финансово-экономическому кризису. Начало им положили серьезные финансовые потрясения, которые быстро перекинулись на сферу производства. Теперь кризис охватил социальную сферу, из которой постепенно перетекает в сферу политическую. И на все это начинает накладываться *кризис в сфере ценностей и идеологии*.

Произошедшие пертурбации, однако, не означают всеобщий кризис капитализма, поскольку последний обладает исключительными адаптивными способностями, что не раз наблюдалось на протяжении мировой истории. Так будет и в обозримом будущем. Но в данном случае можно совершенно определенно сказать, что мы имеем дело с крахом неолберальной модели. До открытого кризиса ей прекрасно удавалось манипулировать общественным мнением там, где неолберальное течение одерживало верх – от США в годы господства рейганомиики и Великобритании времен главенства тэтчеризма до стран Латинской Америки, позволивших навязать себе Вашингтонский консенсус в 1990-е годы, и далее – до России времен президента Ельцина и до Польши с ее шоком без терапии в начале постсоциалистической системной трансформации. В настоящее время на повестке дня – борьба за то, чтобы неолберальной доктрине, после сделанных ей косметических улучшений и незначительной корректировки, не удалось еще раз вернуть мировое хозяйство на прежнюю колею.

Начавшийся в 1970-е годы процесс отрыва финансового сектора от реального стал особенно интенсивным за последние 25 лет и привел к неслыханному раздуванию спекулятивного “пузыря”. Именно с целью создать возможность для крупномасштабных спекуляций были созданы производные финансовые инструменты, которые на мировом финансовом рынке в 2007 г. суммарно оценивались в 600 трлн. дол., что в 10 раз превышает ценность произведенного в том же году ВВП.

Нынешний кризис не был вызван падением рынка ипотечных кредитов в США, поскольку то был всего лишь взрыватель бомбы. Считать причиной кри-

зиса провал ипотечного рынка означает или попытку снять моральную, политическую, интеллектуальную ответственность неолиберализма за мировую рецессию, или поверхностное понимание явлений. Ибо именно последовательное ослабление института государства и неконтролируемый, деструктивный его уход от регулирования обусловили нарастание иррациональности в мировом хозяйстве, следствием которой и стал кризис.

Вот почему уже 3 года назад его нельзя было предотвратить. Попытки, имевшие место 13 лет назад, не были достаточно целенаправленными и последовательными, чтобы придать изменениям благоприятное направление. А 30 лет назад такого развития событий наверняка можно было избежать. Из нашего, казалось бы общего, наблюдения следуют фундаментальные выводы на будущее, поскольку произошел отнюдь не последний большой кризис.

В итоге следует положительно оценить то, как на финансовый кризис в краткосрочной перспективе отреагировала текущая политика – и фискальная, и монетарная. Увеличенное предложение денег для экономики в условиях нарастающего неиспользования производственных мощностей – это был правильный шаг. “Смазка” хозяйственного механизма неинфляционными деньгами принесла положительные результаты везде – от США через Западную Европу до Китая и Бразилии. Впрочем, речь идет всего лишь о воздействии на проявления и последствия кризиса.

Треугольник развития: ценности – институты – политика

В сфере ценностей необходимо движение от “иметь” к “быть”, хозяйственная деятельность должна все больше учитывать культурные условия и социальную среду. Следует переосмыслить цели развития. Необходимо принципиально перестроить институты, в чьих рамках функционирует мировое хозяйство, составляющие которого становятся все более взаимозависимыми. Существующая в настоящее время система международных институтов способствует, скорее, глобальному хаосу, чем глобальному порядку. Экономика будущего нуждается в институтах, позволяющих скоординировать в мировом масштабе и политику.

Принимая во внимание меняющиеся ценности и новые цели, которые появляются в этой фазе своеобразного “цивилизационного путешествия”, следует иначе подходить как к способам осуществления политики, так и к ее инструментарию. Акценты нужно перенести на наднациональную координацию. И тогда в будущем, – если, конечно, мы хотим избежать больших кризисов, – придется умело передвигаться в ареале своеобразного треугольника развития, уравновешенного в социальном, экологическом, экономическом плане. Вершинами этого треугольника будут ценности, институты и политика.

Эффективными могут быть лишь та стратегия развития и та экономическая политика, которые исходят из корректной экономической теории. Теория *стечения обстоятельств развития* отвечает на вопрос о том, что от чего зависит в долгосрочных процессах. В свою очередь, новый прагматизм – это нормативный подход, демонстрирующий, как на основе этой теории можно построить лучшее будущее.

Назовем главные черты теории стечения обстоятельств развития:

- 1) отказ от любого догматизма как интеллектуального “корсета”, слишком односторонне направляющего поиск ответов на конкретные вопросы;
- 2) неприятие слепого подчинения какой бы то ни было идеологии или политической линии, поиски объективной истины без уступок расхожим и консенсуальным постулатам;
- 3) отказ от попыток создать универсальную теорию экономического роста, перенос внимания на специфические черты явлений и процессов, неразрывно связанных с макроэкономическим воспроизводством;

4) междисциплинарный подход, в рамках которого в экономических рассуждениях используются достижения других наук, особенно истории, футурологии, географии, права, социологии, психологии, науки об управлении, науки об Интернете;

5) широкое применение экономической компаративистики;

6) перемещение в многомерном пространстве, состоящем из конкретных исторического, географического, культурного, институционального, политического, социального измерений;

7) отделение целей деятельности от средств их достижения;

8) инструментальная гибкость, открытая для разнонаправленных поисков предохранительных мер, подходящих для конкретной специфической ситуации.

Меньше идеологии — больше прагматизма. Этот принцип можно смело называть новым прагматизмом, поскольку он должен опираться на новые аналитические и теоретические посылки, учитывающие отличные от прежних условия хозяйственной деятельности, которые появились в результате глобализации.

Теория стечения обстоятельств развития, будучи ориентирована на отдельные проблемы, послужит прекрасной основой для прагматических действий, направленных на решение конкретных задач. Здесь речь идет о неортодоксальной экономической теории, и даже шире — о теории общественной науки, сориентированной на практику, то есть в масштабах макроэкономических и социальных, — а по сути, в планетарном масштабе, — на политику, глобальную стратегию развития в широком смысле. При этом новый прагматизм логически вытекает из понимания необходимости в ином подходе к государственному вмешательству. Этот подход не означает вмешательство в производственные процессы, он должен сводиться к разумному использованию обстоятельств. Имеется в виду современный институциональный, а не конъюнктурный интервенционизм. Но для того чтобы навсегда вынести неолиберальное течение на свалку истории, — ибо там его место! — нужно предложить взамен нечто более приемлемое как в теории, так и на практике. Именно такой альтернативой могут стать теория стечения обстоятельств развития и новый прагматизм. Эти идеи можно было бы использовать и в политике модернизации Украины.

Статья поступила в редакцию 8 июля 2010 г.